

Глава 10. У моста Уходящей Воды не тоскуй об ушедшем

— Я, Лю Хунфэн, шестьдесят лет возглавляю Зал Порядка. Дела, которые я рассмотрел, заполнили десять сумок для хранения. Я слышал всевозможные оправдания, мольбы и раскаяния, но такой просьбы — никогда.

— Тогда то, что вы этого не слышали, — истинная жалость, — подхватил Сун Цяньци.

— Говори, как ты собираешься увидеться с главой школы?

Ученики Зала Порядка наконец перестали смеяться и постарались принять серьёзный вид.

Кому охота работать сверхурочно ночью? Но раз уж подвернулось такое зрелище, все с живым интересом уставились на Сун Цяньци.

— Ученик напишет одну фразу. Как только глава школы её увидит, он сам пожелает со мной встретиться.

— Так просто?

— Да, — кивнул Сун Цяньци.

Лю Хунфэн холодно усмехнулся:

— Если бы всё было так просто, тебе не нужно было бы встречаться с главой школы. Проще сразу перерезать себе горло и встретиться с основателем Дао. Ты что, издеваешься над нами?

Он подумал, что глава школы в последние годы увлёкся самосовершенствованием и уже три года не выходил из дворца Цянькунь. Даже если главы пиков и залов приходили с докладом, им редко удавалось увидеть его лично. В основном общение происходило через белых журавлей, юных послушников и талисманы передачи голоса.

Этот секрет был известен всем, кроме учеников внешней школы вроде Сун Цяньци.

— Правда это или ложь, почему бы не проверить?

— Сун Цяньци! — внезапно воскликнул Чжао Юйпин, изображая глубокую скорбь. — Это Зал Порядка, здесь идёт официальный допрос. За шутки на допросе наказание усугубляется, и я не смогу тебя спасти! Ты понимаешь это?

— Ученик понимает!

— Если глава школы не примет тебя, ты получишь триста ударов плетью, будешь лишён совершенствования и изгнан с горы. Ты осознаёшь это?

— Ученик осознаёт!

Чжао Юйпин удовлетворённо кивнул.

Ученики Зала Порядка не удержались от шёпота:

— Так рисковать ради спасения человека... Этот парень на коленях, что, его родной брат?

— Не говори ерунды. Один по фамилии Сун, другой — Мэн. Максимум — двоюродный.

— Будь у меня такой невезучий двоюродный брат, я бы и палочку благовоний за него не поставил, не то что так рисковать.

— Как пожелаешь, — махнул рукой Лю Хунфэн. — Дайте ему бумагу и кисть.

Стоявший рядом ученик поспешно кивнул.

— Не утруждайтесь, — Сун Цяньцзи подошёл к небольшому столику в углу и, улыбнувшись ученику, ведущему протокол, сказал: — Одолжите на минутку.

Тот ученик как раз незаметно клевал носом. Услышав голос, он поднял голову и, увидев, что все взгляды устремлены на него, от удивления выронил кисть.

Кисть была подхвачена Сун Цяньцзи в воздухе. Он обмакнул её в чернила.

Оторвав половину листа белой бумаги, он быстро что-то написал.

Кто-то подумал, что он собирается написать прошение главе школы, моля о прощении и шансе на спасение.

Но он действительно написал лишь одну фразу.

Сун Цяньцзи отложил кисть.

Он сложил лист в треугольник, похожий на маленький цзунцзы, спрятав написанное внутри.

— Кто из старших братьев согласится сходить? — громко спросил он.

Лю Хунфэн сначала наугад указал на одного ученика, но потом, подумав, добавил ещё одного.

Два ученика Зала Порядка, внешне спокойные, взяли записку и вышли. Но их глаза горели любопытством.

— По дороге не разворачивайте, для вашего же блага, — сказал Сун Цяньцзи.

Один из учеников обернулся, его лицо покраснело:

— Кто захочет подглядывать?!

— Посланники уже отправились. Мы не можем просто сидеть и ждать. Нужно установить временные рамки, — Чжао Юйпин повернулся к Лю Хунфэну. — Дело произошло во внешней школе, так что старейшина Лю может не беспокоиться, я не буду никого покрывать. Как насчёт времени, пока горит палочка благовоний?

Лю Хунфэн нахмурился. Чжао Юйпин вдруг стал таким принципиальным, что это его даже смутило.

Не слишком ли мало — одна палочка благовоний?

После наступления ночи путь на главный пик неблизкий. Придётся столкнуться с несколькими патрулями Зала Правосудия, остановиться, ответить на вопросы. Добравшись до дворца Цянькунь, нужно дождаться, пока послушник доложит главе школы. Глава, увидев записку, тоже должен будет подумать.

Но Сун Цяньцзи сказал:

— Не нужно. Половины палочки будет достаточно.

Все посмотрели на него, как на привидение.

Лю Хунфэн снова окинул Сун Цяньцзи взглядом.

Зал Порядка был местом суровым и внушающим трепет, новички обычно терялись от страха. Но этот парень с самого начала не изменил позы и не сказал ни одного лишнего слова.

Слишком спокоен, словно уверен, что ему ничего не грозит. На что же он рассчитывает, этот молодой ученик внешней школы?

— Зажгите благовония.

Отрезанная половина ароматической палочки, фарфоровая курильница в форме лотоса.

Нежный аромат вместе с сизым дымком наполнил Зал Порядка, смешиваясь с запахом крови Мэн Хэцзэ и бодря в этот прохладный вечер.

— Старший брат Сун... — губы Мэн Хэцзэ задрожали, он издал слабый звук.

Сун Цяньцзи подошёл к нему и, наклонившись, сказал:

— Потерпи ещё немного, скоро вернёмся.

— Когда я уйду, всё моё останется тебе. Этот браслет из красного духовного нефрита...

Сун Цяньцзи, взглянув на окружающих учеников Зала Порядка, прервал его:

— С тобой ничего не случится, не говори глупостей.

Мэн Хэцзэ:

— Мне следовало тебя послушать, не стоило горячиться. Ты, должно быть, очень зол.

— Всё в порядке. Я не злюсь.

«Наоборот, я должен тебя благодарить, — подумал Сун Цяньцзи, — за предоставленный шанс спуститься с горы»

— Правда?

— Правда.

Все неотрывно следили за горящей палочкой. Лишь Сун Цяньцзи, казалось, не обращал внимания на время, тихо переговариваясь с Мэн Хэцзэ.

Сизый дымок вился в воздухе, атмосфера была напряжённой и странной. Они вдвоём напоминали братьев, ожидающих страшного суда.

Огонёк на кончике палочки дважды мигнул и погас.

Чжао Юйпин незаметно выдохнул с облегчением.

Лю Хунфэн, казалось, был немного разочарован:

— У тебя есть что ещё сказать?

Сун Цяньцзи выпрямился:

— Ученику нечего сказать.

Два ученика Зала Порядка подошли и, как по команде, схватили его за руки.

— Отпустите старшего брата Суна! — Мэн Хэцзэ издал рёв раненого зверя. — Отпустите его!

Кто бы мог подумать, что человек, потерявший столько крови, ещё способен на такую ярость.

Стражники, отброшенные им, отшатнулись на пару шагов, но тут же снова навалились на него.

Мэн Хэцзэ отчаянно сопротивлялся, его глаза налились странным багрянцем.

«Плохо дело! — подумал Сун Цяньцзи. — Успокойся!»

Если браслет из красного духовного нефрита сейчас активируется для защиты хозяина, то на глазах у всего Зала Порядка Мэн Хэцзэ действительно конец.

«Тебя весь вечер мучили, и ты держался, что же сейчас случилось?»

С грохотом распахнулись двери, ворвался порыв ветра, и вместе с ним — крик посланника:

— Глава школы приглашает, приглашает Сун Цяньцзи! Немедленно!

Весь зал замер в изумлении!

Горы Школы Хуавэй были многочисленны, но знаменитыми были лишь шесть пиков.

Как и владык пиков было пятеро, а глава школы — один.

Главный пик, где жил глава, возвышался одиноко, пронзая море облаков и не соединяясь с другими вершинами.

Если не было разрешения на полёт на мече или летающем артефакте, то путь на главный пик был только один.

Сун Цяньцзи шёл по этому пути.

Следуя за двумя посланниками, он ступил на белый нефритовый арочный мост длиной в сто метров, перекинутый через море облаков.

Этот мост назывался «Мост Уходящей Воды».

Под мостом, словно вода, текли облака, нескончаемым потоком.

На такой высоте должно было быть пронзительно холодно, а ветер — сбивать с ног.

Но благодаря защитной формации здесь было тепло и приятно, царила атмосфера тихой красоты, словно под ясной луной среди редких цветов.

Вокруг ни души, лишь звёзды и луна на небе. Два ученика расслабились и не удержались от разговора с Сун Цяньцзи:

— Ты впервые во внутренней школе, и сразу на главный пик. Вот повезло.

— В радиусе десяти ли от главного пика раскинулась знаменитая формация нашей школы «Море облаков»! Она выполняет три функции: сбор духовной энергии, ежедневная защита и отражение вражеских атак. Она объединяет в себе три эти функции.

Сун Цяньцзи что-то промычал в ответ. Ученики, воодушевившись, затараторили, как два гида-болтуна.

Лишь о содержании записки они молчали. Не потому, что не было любопытно, а из страха нарушить тайну главы школы.

Когда они доставили записку, послушник, вышедший из дворца, доложил о них. Через мгновение он поспешно вернулся с безразличным лицом:

— Глава школы спрашивает, вы читали?

Они тут же, не сговариваясь, поклялись своим сердцем Дао, что нет.

Даже покинув главный пик, они всё ещё дрожали от ужаса, вспоминая чудовищное давление, исходившее из дворца. Пот лился с них градом, словно они только что избежали смерти.

Только тогда они поняли, что слова Сун Цяньцзи «по дороге не разворачивайте, для вашего же блага» были сказаны искренне.

Высокий ученик сказал:

— Уходящее — оно как это, не останавливается ни днём, ни ночью. Время — как вода, никогда не вернётся. Название «Мост Уходящей Воды» напоминает нам, что нужно ценить каждый день и усердно совершенствоваться.

Низкий ученик не согласился:

— Банально, слишком банально ты говоришь. — Он повернулся к Сун Цяньцзи, но тот был совершенно спокоен. — Ты впервые видишь всё это, тебе не кажется удивительным? Не хочется кричать от восторга? Ты не взволнован?

Сун Цяньцзи пришлось кивнуть:

— Я взволнован.

— Я не вижу.

— ...

В прошлой жизни Сун Цяньцзи бывал здесь, но шёл не по этому мосту.

Правила и законы Школы Хуавэй, да и всего мира, были писаны не для него.

Тогда он уже был знаменит на весь мир и был приглашён главой Школы Хуавэй, Истинным Сюйюнем, для беседы о Дао.

Для него устроили грандиозную церемонию приветствия: полдня били в колокола и барабаны, а Истинный Сюйюнь со всеми владыками пиков лично ждал его у дворца Цянькунь.

А Сун Цяньцзи не только опоздал, но и прилетел на облаке, нарушив всю энергетику формации и напугав до смерти пятицветных карпов. Но никто не смел и слова ему сказать.

Если в море облаков было достаточно духовной энергии, в нём заводились пятицветные карпы.

Эти существа, рождённые из духовной энергии, плавали в облаках. Их чешуя была невероятно красива.

Под солнцем она переливалась всеми цветами радуги, а когда они выпрыгивали из облаков, то походили на радужные дуги. В лунном свете они становились бесцветными, изящными и прозрачными, как стекло.

Сун Цяньцзи, впервые увидев их, не понял, почему этих созданий, порождённых небом и землёй, что могли бы питаться ветром и росой, кормят свежим мясом и кровью.

Позже он понял. Всякая возвышенная красота в этом мире покоится на горе костей.

Как и эти дворцы на вершине горы Хуавэй. Люди, строившие их по кирпичику, давно обратились в прах, а те, кто наслаждается ими, будут жить вечно.

— Ты действительно взволнован? Почему мне кажется, что ты совсем не...

Голос оборвался.

Оба ученика застыли на месте, словно поражённые заклинанием оцепенения, и, разинув рты, уставились в одну точку.

Сун Цяньцзи проследил за их взглядом и увидел фигуру, идущую им навстречу по мосту.

Это была женщина.

Ночь, тишина, Мост Уходящей Воды. Встреча лицом к лицу была неизбежна.

Но даже в многотысячной толпе её невозможно было бы не заметить.

Лунный свет заливал её серебром, делая кожу почти прозрачной. Лицо её было подобно искусно вырезанному цветку из ледяного кристалла — безупречно.

При ходьбе полы её лазурного платья легко колыхались, а ленты на рукавах развевались, словно она вот-вот вознесётся на небо.

Пятицветные карпы под мостом, махнув хвостами, скрылись в глубине облаков, устыдившись её красоты.

Но Сун Цяньцзи, взглянув на неё, лишь нахмурился.

Почему Мяо Янь здесь?

Когда Сун Цяньцзи увидел Мяо Янь, она тоже увидела его.

Её первой мыслью было — «проблема». Если эти два остолбеневших ученика Хуавэй вдруг начнут кричать от восторга или, чего доброго, свалятся с моста, ей придётся их спасать.

А если она вмешается, это может повлечь за собой ещё больше проблем.

Затем она увидела Сун Цяньцзи, стоявшего позади них.

Он был одет в старый халат, явно не принадлежавший этому месту, но держался совершенно спокойно.

Его взгляд был спокоен, без малейшего восхищения или одержимости. И первая его реакция — он нахмурился.

Хоть это и было едва заметно, Мяо Янь умела улавливать малейшие изменения в выражении лиц. Это было не врождённое чутьё, а приобретённый навык.

Его выражение было таким, будто... он увидел неуместный предмет обстановки.

На самом деле, Мяо Янь давно знала, что не всем нравится на неё смотреть.

Например, даосы из Обители Пурпурных Облаков или монахи из Храма Красных Листьев, даже находясь с ней в одной комнате, делали вид, что не замечают её.

Словно только так они могли доказать твёрдость своего сердца Дао, свою духовную отрешённость, неподвластную красивой оболочке.

Но этот человек не был ни даосом, ни монахом, и уровень его совершенствования был низок.

В его возрасте, четырнадцать-пятнадцать лет, юноши обычно самые беспокойные и неустойчивые.

Ученик внешней школы с низким статусом... почему он хмурится при виде неё? И какое право он имеет хмуриться?

Это вызвало у неё лёгкое, но неприятное чувство.

Но на её лице осталась лёгкая, едва заметная улыбка, и её осанка по-прежнему была безупречна.

<http://bllate.org/book/16982/1582574>